

но составленным не раньше первых десятилетий XIV в., причем замечает: „при определении времени нельзя обойти между прочим титул, данный под 6634 (1126) г. Владимиру Мономаху: «великий князь всея Руси»“ (ПСРЛ, II², стр. IV, V);¹ в 1916 г. Шахматов просто употребляет термин: „южно-русский сборник XIV века“.

Полагаем, что термин „южно-русский“ не имеет целью указать точно на место окончательного составления Ипатьевской летописи, — скорее избегает такого указания; вероятно, Шахматов разумел под ним преимущественное содержание сборника в противопоставление с другими летописями или их списками, содержащими главным образом северные или западные события России или там писанными. Что же касается последних годов сборника, то, повидимому, они даются Шахматовым то по указаниям Ипатьевского списка, то по верному исчислению. Определение времени составления сборника XIV веком, очевидно, зависит главным образом от предположения о влиянии на него общерусского свода начала XIV в.

В книге „Разыскания о древнейших русских летописных сводах“, вышедшей в 1908 г., Шахматов также касается вопроса о Галицко-Волынской летописи, которая между прочим вошла в Ипатьевскую (см. главу XIV: „Мистиша Свенелдичь и сказочные предки Владимира Святославича“). Свои выводы Шахматов здесь строит преимущественно на сличении русских известий хроники Длугоша с русскими летописями, исключая западно-русских. По мнению Шахматова, в 60—70-х годах XV в. Длугош воспользовался для своей хроники в пределах X—XIII вв. (до 1288 г. включительно) только двумя русскими летописями: 1. Общерусским сводом 1423 г., 2. „Галичскою“ летописью. Польский ученый Семкович² первый указал на необходимость признать среди русских источников Длугоша летопись „Перемышльскую“; эту летопись Шахматов считает более правильным назвать Галичскою, или, как предложил И. А. Линниченко, „южно-русскою“ летописью, которая, судя по данным Длугоша и Татищева, была более полна, чем та, которая известна под именем Ипатьевской, причем список ее, использованный Татищевым, был полнее списка Длугоша. К этой летописи относятся, например, известия Длугоша 20-х годов XII в. (1121, 1123, 1126, 1128 гг.), 1185, 1195 г. и т. д. и т. д., — между прочим и рассказ о захвате Перемышльского князя Володаря (ум. в 1126 г.) поляками (1121 г.), о чем Ипатьевская упоминает под 1145 (6653) г., ошибочно ссылаясь на то, что о захвате его Лядским мужем Петроком сообщила „в задних лѣтѣх“, какового сообщения в Ипат. нет.³ Эта Галичская летопись, имевшая в своем начале Повесть временных лет, соединенную с Киевскими сводами — „Начальным“ (1093 г.) и „Древнейшим“, частью, но далеко не в полном

¹ В обзоре летописных сказаний о последних потомках Романа, Андрея и Льва II Юрьевича, погибших уже до 1323 г., А. А. Куник замечает: „Хотя история юго-западной Руси после 1291 г. представляет много пробелов, тем не менее довольно странно, что о таком крупном событии, как трагическая кончина двух последних представителей дома Даниила Романовича не сохранилось никаких известий ни в великорусских ни в польских летописях... Этот ошутительный пробел отчасти вознаграждается... теми известиями о кончине Владимира-Андрея и Льва, которые мы встречаем в литовских летописях“ (т. е. Стрыйковского и подобных) („Болеслав-Юрий II, князь всей Малой Руси“, 1907, стр. 135). Эта малая осведомленность не позволит ли заключить, что русская летопись не велась ни при дворе Владимирском (Андрей I), ни при дворе Галицком (Лев II) после смерти Юрия I (1315 г.)? То есть, ставши даже на точку зрения Шахматова, составление южно-русского сборника не следует относить ко времени позднее 1315 г., когда, повидимому, возобладали в Галицко-Волынском княжестве иноплемennые влияния.

² Rozbiór krytyczny dziejów Długosza Samkowicza, Kraków, 1877.

³ См. выше, стр. 20.